

Нередко приходится слышать: «Не могу верить в любящего Творца — хотя бы уже потому, что существуют [дети-инвалиды](#). Посмотрите на них! В чем они виноваты, почему ваш Бог допускает, чтоб они рождались такими?». Человеку, который это говорит, можно возражать догматически: объяснять, что такое грехопадение, почему мир лежит во зле, почему человек в этом мире страдает и умирает. Но он, скорей всего, воспримет все эти объяснения как мертвые слова. Слова, от которых не легче. Другое дело — если он заметит, что многие [родители](#) [детей-инвалидов в любящего Творца верят](#)

. И не по принципу: «А вдруг поможет!..», а по-настоящему: глубоко, светло и радостно. Вот чудесный парадокс — этой вере их научила беда. Беда не застит им свет, напротив — делает зоркими. Они видят, как много в этом мире прекрасного. Например, животные. Они тоже твари Божьи, и им вовсе не так мало дано. Они могут любить... и способны помочь! Бог помогает человеку, человек — собаке, собака в ответ — людям, а люди Богу возносят любовь и благодарность. Так создается — вопреки нашей недоброй реальности — добрый мир. Мир, в котором ребенок с ограниченными возможностями не чувствует себя изгоем.

«У меня ощущение, что я пообщалась с очень хорошим человеком». Такую записку передала из роддома супругу художница Татьяна Любимова — после того, как первенца первый раз принесли к ней покормить.

Это ощущение не покидало Татьяну все время жизни ее сына. Все шесть с половиной лет:

— Рядом с ним всегда было очень хорошо. Это не только мое субъективное мнение: люди, которые его знали, все об этом говорят.

По симптомам Сашино заболевание было похоже на тяжелую форму ДЦП. Неспособность передвигаться и говорить, практически неподвижность — при сохранном интеллекте. Лейкодистрофия. Диагноз, не предполагавший лечения.

— С года до двух было самое тяжелое время,— продолжает Татьяна,— надо было понять, для чего нам это. Сначала я старалась скрывать происходящее от родных. Помню, как по дороге с очередного обследования таранила коляской сугробы — шла через парк, и там выплакивалась, чтобы прийти домой бодрой. Конечно, если бы не поддержка мужа, если бы не его спокойствие и уверенность, было бы намного тяжелей. Ведь в таких семьях папы часто идут по пути наименьшего сопротивления — просто исчезают и перестают помогать. У нас, слава Богу, вышло по-другому.

Самое страшное: врачи утверждали, что диагноз у Саши генетический. Пятьдесят процентов вероятности, говорили они, что ваш следующий малыш будет таким же. Так что лучше не надо. Но Любимовы не послушались. И жалеют теперь только об одном: что долго ждали. Надо было рожать раньше. За полтора года до смерти Саши родился Алеша — здоровый ребенок, вымоленный, как говорит его мама:

— И какой Саша был счастливый, когда Алешка родился, просто не передать! А Маруся уже потом родилась, через два с половиной года после Сашиной смерти. Они оба часто просят про брата рассказать.

Татьяна — иконописец. В храме святителя Николая в Кленниках есть иконы, написанные этой прихожанкой.

— Мои родители не были в полном смысле слова верующими, но в храм заходили нередко, особенно охотно — на Пасху. В доме у нас были иконы. Одно из моих воспоминаний — лик Тихвинской иконы Божьей Матери.

Крестили меня в двухлетнем возрасте в Закарпатье. Настояла на этом моя бабушка, папина мама. Она была необыкновенным человеком, войну прошла фронтовой разведчицей, несколько раз была ранена.

Мой дед, Георгий Леонидович Леонтович,— сын священника. К 1938 году он успел окончить две академии: военно-медицинскую и военно-химическую. В 1938 году его посадили в первый раз, потом он пошел добровольцем на финскую войну, а в 1941-м, так же добровольцем,— на Великую Отечественную. И стал главным нейрохирургом Второго Украинского фронта. Дед, судя по всему, был человек непростого характера, но хороший хирург. Он лечил югославского коммунистического лидера Иосифа Тито и его жену. С ними у него установились дружеские отношения, Тито присылал ему открытки на дни рождения каждый год. В 1948 году увидел, что конверт с открыткой от Тито вскрыт, и, ни слова не говоря, пошел собирать вещи. В тот же день за ним приехали. Сидел он с Солженицыным. «Врач Л.», который упоминается, в «Архипелаге ГУЛАГ» — это мой дед. Я об этом узнала недавно — в последние земные дни Александра Исаевича. Откуда узнала? В храм святителя Николая в Кленниках ходит Наталья Дмитриевна Солженицына. Удивительно, но она с самого начала выделяла меня из числа прихожан, хотя об истории деда мы тогда еще не говорили.

После ареста деда бабушка осталась одна с полуторагодовалым ребенком — будущим моим папой — на руках, но, тем не менее, сохранила бодрость духа. Удивительно, насколько тепло к ней относились все жители маленького закарпатского городка Берегово. У бабушки я гостила, когда мне было восемь лет, и это одно из самых ярких детских воспоминаний. Бабушка жила скромно. За фронтовые заслуги ей выдали машину — ушастый «запорожец». И каждый четверг, в базарный день, она под завязку загружала его продуктами с рынка, и мы с ней навещали инвалидов, которые жили в разных местах города. Бабушка считала своим долгом им помогать. Никто ее не заставлял, не просил, но она это делала, и это было для нее совершенно естественно.

Поначалу я протестовала — в этих домах плохо пахло, люди были некрасивые, раздраженные. Но бабушка говорила: ты можешь протестовать сколько угодно, мы все равно поедем: «Вот пожилая женщина, ходит, опираясь на стул, и много лет не выходит из дома. Представь, каково ей?» Это стало моей прививкой.

Разговоров о религии я от бабушки никогда не слышала. Бабушка умела молчать, поэтому многие семейные тайны унесла с собой. Она не рассказывала о войне, хотя фронтовых наград у нее была целая шкатулка. Единственная награда, которой она гордилась, была медаль «За отвагу». О войне она заговорила только один раз — когда мы возвращались на том самом «запорожце» из Берегово в Москву. Ночевали прямо в машине, варили на обочине обед. И путь наш проходил как раз по тем местам, где бабушка воевала. И она вдруг остановила машину и заплакала: «Вот здесь у нас застрял в грязи грузовик с ранеными, и мы, девчонки, обливаясь слезами, выталкивали его, а через несколько метров он опять буксовал...» Бабушка умерла в 1987 году в Великую Субботу. Тогда-то я и попала впервые в храм: на Антиохийское подворье на Пасхальную службу. Это было очень сильное ощущение. Я стала в этот храм приходить. Сначала просто стояла, слушала, пыталась молиться, потом начала понимать что-то из того, что там происходит.

Через некоторое время я съездила в Дивеево, в Свято-Троицкий монастырь, а перед этим прочла житие Серафима Саровского. Монастырь только что передали Церкви, до этого там был детский изолятор, и сохранился еще карцер, колючая проволока. Но надо всем этим уже поднималась и расцветала обитель. Монастырь я себе представляла, как в фильме Эйзенштейна — скорбные фигуры со свечками, бледные лица. И никогда в жизни не думала, что в монастыре могут быть такие румяные, веселые, по-детски открытые насельницы! Я там почти месяц прожила, ходила со всеми вместе и на послушания, и на службы. Пыталась поступить в иконописную школу при академии в Лавре, но поскольку конкурс был как в театральное училище не поступила. Зато познакомилась с отцом Николаем Чернышовым, он меня познакомил с Ларисой Алексеевной Федяниной, она начала давать мне уроки рисунка и привела на Маросейку, в храм святителя Николая в Кленниках. Там я закончила приходскую иконописную школу. С мужем, Сергеем Любимовым, познакомилась в храме на Маросейке, во время росписи иконостаса. Он резчик по белому камню и в тот момент делал плиту, которая стала основой первого белокаменного иконостаса. Как раз когда он закончил иконостас, мы поженились.

Потом родился Саша...

— Когда мы в первый раз с Сашей поехали в особый лагерь детского реабилитационного центра «Солнечный мир», у меня, конечно, был шок — родители, у которых дети — тяжелые инвалиды, ходят — и улыбаются! А я сижу и думаю: «Чего они улыбаются? Чему тут радоваться-то?». Я находилась в тяжелом депрессивном состоянии. Потом, к середине смены, я пригляделась и к детям, и к родителям, и поняла: мне не тяжелее, чем другим.

В летнем лагере «Солнечного мира» было настоящее братство — родители поддерживали друг друга, делились информацией, которую невозможно получить в поликлиниках и собесах — о правах инвалидов, о способах эти права отстоять. Когда чувствовалось, что одна из мам уже «на взводе» и вот-вот сорвется — другие мамы просто забирали у нее ребенка и говорили: «Иди в лес!». Через полчаса эта мама возвращалась — совсем другим человеком, с горстью земляники, посвежевшая, радостная. Человеку просто надо время от времени дать возможность сделать вдох и выдох. Это очень важно. А еще родители особого ребенка должны помнить: «жизнь жительство», с рождением особого ребенка она не кончается. Радость и счастье от вас никуда не денутся, нужно просто уметь их замечать. Даже очень тяжелые дети — повод к радости.

Заметим: в «особый» лагерь Татьяна приехала не только с сыном, но и с собакой — замечательным золотистым ретривером Олли. Саша мечтал о собаке. Врачи подтвердили: ему нужен друг. Собаку специально для Саши подготовили специалисты центра «Собаки — помощники инвалидов». Очень скоро Сашины родители поняли,

насколько повезло им с этим псом. Олли отличалась замечательной интуицией и умела общаться с детьми, с которыми не всякий человек научится общаться:

— Например, к ребенку с аутизмом она никогда не подбегала. К «дэцэпэшнику», сидящему в коляске, она подбежит, может лапами встать на колени, а перед аутистом, не доходя нескольких шагов, останавливается, отворачивает морду и ждет. Ждет терпеливо, не навязываясь, позволяет ребенку самому сделать первый шаг, проявить инициативу. Такому, конечно, не научишь. В лагере были дети, которые боялись собак. Когда мы встречались с такими детьми, мы старались изменить их представление о собаке: подчеркивали ее дружелюбие. Родители ее гладили. И дети избавлялись от страха. К концу смены они уже бежали к нам навстречу, обнимали Олли, радовались.

Так началась для Любимовых канис-терапия. В переводе — терапия с помощью собак. Сейчас Татьяна руководит группой «Солнечный пес». В группе занимаются дети с нарушениями двигательного аппарата, с ДЦП, с аутизмом, синдромом Дауна. Татьяне помогают волонтеры Юлия Горбатова и Наталия Захарова со своими собаками — ретривером Тайной и шоколадным лабрадором Неем. Еще есть собаки Ника и Джойка.

Поначалу кажется, что групповые занятия в «Солнечном псе» — это что-то вроде кружка юных дрессировщиков. Группа движется по кругу, дети подают собакам

команды, поощряют их кусочками лакомства. На самом деле учатся не собаки, а дети. Собаки уже давно всему обучены и теперь помогают своим маленьким друзьям — терпеливо, нежно и внимательно. Они ждут от своих подопечных правильных жестов, выполняют команды только тогда, когда ребенок поднял руку на нужную высоту. Они играют с детьми, а это очень важно — когда ребенок играет с собакой, он не думает, что у него что-то не получается, он просто играет.

Собака помогает особому ребенку ощутить себя человеком. Как только ребенок берет в руки поводок, возникает команда — собака и ребенок. Причем главный в ней — ребенок. Какие бы тяжелые ни были у него нарушения, как бы к нему ни относились родители и окружающие, в тот момент, когда он держит поводок, он чувствует себя человеком. Это — психологическая реабилитация.

Методика создавалась в процессе работы — методом проб и ошибок, по крохам. Многого шло от собаки. Олли сама «предложила» игру «перетягивание игрушки», очень полезную для детей-аутистов. Такой ребенок погружен в свой особый мир и очень мало способен общаться с окружающими. А тут у него возникает контакт с собакой и с человеком, держащим ее за поводок; он руками чувствует движения другого существа и реагирует на них. Это урок необычайной важности.

С родителями при этом тоже приходится работать:

— У нас в «Солнечном псе» занимается мальчик, Костя. У него ДЦП под вопросом и легкая степень умственной отсталости. Мальчик очень милый, но очень зажатый. Мама его воспитывает одна, ей тяжело, и она очень переживает. Ей, как и многим мамам в таком положении, кажется: еще чуть-чуть — и ее ребенок станет таким, как все. А он все не такой! Мама раздражается, срывается — и просто забывает о том, что любит своего ребенка. Мы пытаемся мамино внимание обращать на то, какой Костя молодец, как он старается. А мама пропускает все это мимо ушей. И однажды мы Костю разложили между собаками (есть в канис-терапии такой прием

— собаки ложатся, образуя круг, а середину), Костя лежит — и вдруг потерся щекой о голову собаки и засмеялся. Мама ему говорит с раздражением: «Ну что ты опять смеешься?». А он смотрит снизу вверх и отвечает, зажмурившись: «От счастья!». Надо было видеть, как мама меняется в лице: «Я даже не думала, что мой ребенок может так умно сказать!». Было впечатление, что ледяная стена, которая их с сыном разделяла, просто на глазах начала таять. С тех пор мама ревнивым взглядом следила за занятиями, а Костя ловил ее взгляд. Было явно видно, что он искал одобрения... и он его находил!

Однако не будем забывать — мы имеем дело с трагедией. И картина, конечно, далека от идиллической:

— Очень тяжело,— говорит Татьяна,— иногда кажется, что силы и время уходят буквально в песок. Работаешь с ребенком год, два, и не видно результатов. Или происходит «откат» к прежнему состоянию. Терпения нужно много. Мы не гарантируем успеха. Родителям говорим, что будем работать, но результата гарантировать не может никто.

И все-таки он настает — миг, не оставляющий сомнений: силы ушли не в песок, душа трудилась не зря:

— Когда Света, которая занимается у нас в «Солнечном псе», первый раз исповедовалась и причастилась вместе со своей мамой в нашем храме святителя Николая в Кленниках, когда она повернулась к нам после разрешительной молитвы священника — надо было видеть ее лицо. Свет и одухотворенность. И глубокая, тихая радость.

